

Д.С. Ганенков, Ю.А. Ландер

**Локативные формы
как источник нелокативных падежей:
даргинские данные**

Именная словоизменительная парадигма в большинстве дагестанских языков состоит из двух частей: так наз. грамматических (или, иначе, синтаксических) падежей и локативных форм, различие между которыми связано с образованием падежных форм¹. Грамматические падежи образуются от (прямой или косвенной) основы имени присоединением суффиксального падежного показателя (аналогично образованию падежных форм, например, в тюркских языках). Показатели же локативных форм в большей части языков состоят из двух частей, первая из которых задает пространственное положение объекта относительно ориентира ('на', 'внутри', 'под', 'за' и т.д.), а вторая указывает на характер движения объекта относительно ориентира ('движение от', 'движение к', 'отсутствие движения'). В ряде языков (в том числе и в некоторых диалектах даргинского) локативная форма включает также третью суффиксальную позицию, объединяющую дейктические ('сюда', 'туда') и гравитационные ('вверх', 'вниз') показатели².

С точки зрения семантики грамматические падежи обычно выражают центральные аргументы глагола (агенса, пациенса, реципиента, экспериенцера), именные зависимые (посессора), а также ряд других ролей (инструмент, комитатив, тема речи, эталон сравнения и пр.), тогда как локативные формы в первую очередь обозначают местонахождение или движение объекта относительно ориентира, но также выражают и многие непространственные значения (эталон сравнения, материал, партитив, глагольное управление).

В свете последнего вполне естественно, что в дагестанских языках, как и во многих других языках мира, показатели с пространственным значением являются одним из источников пополнения инвентаря грамматических падежей. Так, напри-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-00266а «Грамматика близкородственных языков с типологической точки зрения (на материале языков даргинской группы)»).

² Более подробно о морфологической структуре именной парадигмы и семантике падежных форм в дагестанских языках см. в [Кибрик 2003; Comrie, Polinsky 1998; Daniel and Ganenkov 2008].

мер, диахроническая связь между показателями грамматических падежей и локативных форм обнаруживается в цахурском (инэлатив ~ эргатив), цезском (инэссив ~ эргатив), хваршинском языке (латив ~ датив). В ряде языков наблюдается связь нелокативных падежей, выражающих различные периферийные непространственные значения, с элементами локативной парадигмы. Так, например, в арчинском языке электив, по-видимому, восходит к интер-элативу.

Ниже на материале даргинских диалектов³ мы рассмотрим два случая, когда при утрате показателем пространственного значения часть форм, включающих этот показатель, сохраняется и продолжает функционировать в непространственном значении.

В тантынском даргинском⁴ локативные формы включают показатели трех категорий: локализации, ориентации и директива. Инвентарь граммем всех трех категорий представлен в таблице 1⁵.

Таблица 1. Локативные показатели тантынского даргинского.

Локализация	Ориентация	Директив
SUPER (-ja) 'на'	латив LAT (-Ø)	UP (-ha) 'вверх'
SUB (-gu) 'под'	'движение к'	DOWN (-ka) 'вниз'
ANTE (-sa) 'перед'	элатив ELAT (-r)	HITHER (-se / -sa) 'сюда'
APUD1 (-š:u) 'у'	'движение от'	THITHER (-de / -da) 'туда'
APUD2 (-hira) 'около'	эссив ESS (=CL)	
INTER (-c:e) 'в'	'нахождение'	
IN (-ne) 'внутри'		

³ Использование термина «диалект» в отношении представителей даргинской группы нахско-дагестанских языков является условным: в действительности по ряду критериев т. наз. даргинские диалекты представляют собой отдельные языки.

⁴ Тантынский даргинский, используемый в селе Танты Акушинского района, предположительно относится к цудахарскому диалекту [Гасанова 1971]. Особенности построения тантынских локативных форм подробно рассматриваются в [Ландер, в печати].

⁵ В таблице не учитываются показатели идиосинкретичных локализаций.

Показатели локализации и ориентации обязательно присутствуют во всех локативных формах, тогда как показатели директива присоединяется только к формам латива и элатива. При этом в отличие от некоторых других диалектов (например, кункинского), где директивные показатели обязательны, в тантынском существуют лативные и элативные формы без директивных показателей. Однако в то время как в лативных формах присоединение директивов всегда возможно, хотя и факультативно, в случае элативных форм наблюдается более любопытная картина; см. таблицу 2.

Таблица 2. Элативные формы в тантынском даргинском.

	‘вверх’	‘вниз’	‘туда’	‘сюда’	∅
SUPER	-ja-r-ha	-ja-r-ka	-ja-r-de	-ja-r-se	-ja-r
SUB	-gu-r-ha	-gu-r-ka	-gu-r-de	-gu-r-se	—
ANTE	-sa-r-ha	-sa-r-ka	-sa-r-de	-sa-r-se	-sa-r
APUD1	-š:u-r-ha	-š:u-r-ka	-š:u-r-de	-š:u-r-se	—
APUD2	-hira-r-ha	-hira-r-ka	-hira-r-de	-hira-r-se	—
INTER	-c:e-r-ha	-c:e-r-ka	-c:e-r-de	-c:e-r-se	-c:e-r
IN	-ne-r-ha	-ne-r-ka	-ne-r-de	-ne-r-se	—

Как видно из таблицы 2, в тантынском диалекте имеется лишь три, из семи возможных, элативных формы, немаркированных по директиву: супер-элатив, анте-элатив и интер-элатив.

Вопреки ожиданиям, с семантической точки зрения различие между маркированными и немаркированными по директиву формами не сводится к наличию/отсутствию директивного компонента в значении локативной формы. Более того, немаркированные по директиву формы вообще не имеют пространственных употреблений и используются только для выражения непространственных значений, см. таблицу 3.

Таблица 3. Функции немаркированного элатива в тантынском даргинском.

супер-элатив (-jar)	эталон сравнения (‘выше X-a’)
анте-элатив (-sar)	‘бояться X-a’, ‘прятаться от X-a’
интер-элатив (-c:er)	материал (‘сделан из X-a’), партитив (‘некоторые из X-ов’), каузируемый участник, ‘забрать у X-a’, ‘спасти от X-a’

Подобная ситуация находит объяснение с диахронической точки зрения. Сценарий развития элативных форм в тантынском диалекте можно представить следующим образом:

(а) в элативном значении используются только немаркированные формы (т. е. отсутствует категория директива, ср. ицаринский диалект; см. [Sumbatova, Mutalov 2002]);

(б) происходит морфологизация наречий с дейктическим и гравитационным значением и закрепление их в именной словоформе в качестве показателей директива;

(в) происходит вытеснение немаркированного элатива из пространственной сферы;

(г) часть немаркированных форм элатива утрачивается, а часть сохраняется с непространственным значением.

В результате в тантынском, помимо обычного для даргинских диалектов набора грамматических падежей (эргатив, генитив, датив, комитатив), представлены три новых нелокативных падежа, возникших на базе локативных форм.

Похожая ситуация наблюдается и в чирагском диалекте даргинского языка. Здесь падежная парадигма включает специальную форму с показателем *-sarka*, которая используется только для обозначения стимула при глаголе 'бояться'. Диахронически эта форма легко анализируется как сочетание показателя *-sa* локализации ANTE ('перед ориентиром'), ныне отсутствующей в чирагском, но сохраняющейся во многих даргинских диалектах, и показателя элатива *-rka*, присутствующего и в современном чирагском.

Таким образом, как тантынские, так и чирагские данные демонстрируют интересную асимметрию в рамках локативной парадигмы: в ходе диахронической эволюции при утрате показателя (немаркированный элатив в тантынском, локализация ANTE в чирагском) часть форм утрачивается, а часть форм сохраняется, но используется только в непространственном значении.

Эта асимметрия легко объяснима, если принять во внимание функциональную нагрузку локативных форм в диалектах даргинского языка. Дело в том, что разные граммы одной и той же локативной категории в разной степени нагружены непространственными употреблениями. Так, из четырех встречающихся в даргинских диалектах грамм ориентации (латив, эссив, элатив, аллатив) для выражения непространственных значений используются только две (латив и элатив). Аналогичным образом, из всех грамм локализации наиболее нагруженными в непространственной сфере являются две — SUPER 'на поверхности' и INTER 'в массе', еще одна локализация — ANTE 'перед ориентиром' — используется не столь интенсивно, но стабильно (во всех диалектах, где категория ло-

кализации включает эту граммему, анте-элатив используется при глаголах 'бояться X-а' и 'прятаться от X-а'). Остальные же локализации в даргинских диалектах либо вообще не используются в непространственных контекстах, либо используются sporadически (например, из изученных нами диалектов только в аштынском глагол 'прятаться' управляет субэлативом). Тем самым, из всех локативных форм даргинских диалектов в непространственной сфере обычно используются лишь пять: супер-латив, супер-элатив, интер-латив, интер-элатив и анте-элатив.

Этот инвентарь, как видно, включает и рассматриваемые выше формы даргинских диалектов. В тантынском сохранены именно те формы элатива, которые стабильно используются в непространственной сфере, а элативные формы локализаций, выражающих только пространственные значения, утрачены и заменены формами директивного элатива. В чирагском при утрате показателем локализации ANTE пространственного значения был утрачен и анте-латив, не имеющий непространственных употреблений, тогда как анте-элатив, стабильно используемый в небольшом количестве непространственных контекстов, был сохранен.

Итак, можно сделать вывод о том, что локативные формы с большей функциональной нагрузкой в непространственной сфере могут сохраняться в системе и после утраты исходного пространственного значения, что приводит к нарушению симметричности локативной парадигмы и возникновению новых нелокативных падежей.

Литература

- Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. – Махачкала, 1971.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. – М.: Алетейя, 2003.
- Ландер Ю.А. О разных морфологиях: тантынские даргинские локативные формы // Бюллетень. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения–2008», Москва, 8–10 октября 2008 г., РАН, Общество востоковедов. М.: ИВ РАН, в печати
- Comrie B., Polinsky M. The great Daghestanian case hoax // *Case, Typology and Grammar* / Ed. by A. Siewierska, J.J. Song. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998. – P. 95–114.
- Daniel M., Ganenkov D. Case marking in Daghestanian: Limits of elaboration // *The Handbook of Case* / Ed. by A. Malchukov and A. Spencer. – Oxford University Press, 2008. – Pp. 668–685.
- Sumbatova N.R., Mutalov R.O. A Grammar of Icarı Dargwa. – München: Lincom EUROPA, 2003.